

К 63
4-44342

Вәҗекен күлгә

Ева
ЛИСИНА

Летяющее озеро

Х63

Ева ЛИСИНА

Вэсекен кӱлӗ

Калавсем

Летающее озеро

Рассказы

Художникё С.А. Кангина

Шупашкар
Чӑваш кенеке издательстви
2011

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2011

Ч-44342

Национальная библиотека
Чувашской Республики

Вёсекен күлө.

Махсан авал Сёньялпа Атәк хушшинче тинёс пек күлө сүталса ыртнә. Тарәнччө тет. Тасаччө тет. Темле тарән пулсан та кимёпе пынә чух тимлесе-тимлесе пәхсан күлө тәпәнче сәлсем палкаса тухни сәплах курәнатчө тет. Ушкән-ушкән кайәк кәвакал, хур кайәк аннә сәкәнта, темле асамлә шурә кайәксем ишсе сүренё. Таврара пуртә курман вәрман кашланә.

Пөррехинче ман асатте хир енчи палла тәранё патне каять. Сүлла пулнә ун чух. Чәтма сук шәрәх тәнә. Хамәр енпе — вәрман сулхәнёпе, шыв-шур уссипе — пынә чух аванах пулнә-ха асаттене; ак тухать те хир енне, пуса чикме сук вәтелентерет әна ирөк сөрте пөччен хусаланакан хөвел. Пөлөшө патне аран ситсе үкет.

— Ах, мөнле пурәнатәр кунта? Пөрех хут сирён вәрманлә-шывлә сөрелле кусса каймалла! — тет асатте.

— Асаттесен сөрө! Асаттесен сөрөнчен ништа та каймастпәр! — хуравлать пөлөшө.

— Апла пулсан пурәнәрах ёнтө, сәкәнтах пурәнәр! — тет ман асатте. — Эпир те аслаттесен ырәнәнче пурәнатпәр, аслаттесем аслә вәрманлә, сүтә күлөллө ырәнәна суйласа

Летающее озеро.

Старики вот что рассказывают. Раньше наша деревня Синьял лежала не в степи, как сейчас, а на берегу озера. Озеро было великое, как море. Глубокое. Чистое. Но каким бы глубоким оно ни было, если с лодки внимательно взглянуть вниз, было видно, как на дне бьют ключи. Стаями спускались на озеро дикие утки, плавали какие-то таинственные птицы. Вокруг шумели нетронутые леса.

. Как-то один старик пошёл в гости к своему приятелю, живущему в степной стороне. Стояло лето. Жара была невыносимая. Пока старик шёл нашей стороной — лесами и лугами, — просто благодать была, но вышел в степь — солнце палит нещадно. Еле-еле добрался он до своего приятеля.

— И как только вы тут живёте? Вам бы переехать туда, где леса да озёра! — говорит старик.

— Земля прадедов! Нам другой земли не надо! — отвечает приятель.

— Ну, если так, тогда конечно — живите! Ведь каждая птица своё гнездо любит! — говорит дед. — Мы тоже на земле предков живём, наши деды выбрали высокие леса и

илнӗ те, пурӑнатпӑр ӗнтӗ каш-каш йывӑҫ хушшинче,
йӑлтӑр-йӑлтӑр шыв хӗрринче!

Палла тӑранӗ чӗнмест.

— Сирӗн кунта вӑрман таврашӗ ҫук та, хӗлле мӗнле
ӑшӑнкаласа пурӑнатӑр вара? — ниепле те лӑпланаймасть,
ҫаплах тӗпчет асатте.

— Улӑм ҫунтаратпӑр.

— Аре, улӑм лайӑх ҫунать пулӗ-ха вӑл, пал-л кӑна хып-
са илет пуль! Пирӗн арӑмсем ӑна тивертме те пӗлмеҫҗӗ пуль!
Эпир хамӑр юман вутти хутатпӑр та! Улӑмне ӑна выльӑха
сарса паратпӑр.

Чунӗ килелле туртать асаттене, ун часрах хамӑр вӑр-
манпа хамӑр кӗлӗ сулхӑнӗнче ларас килет. Палла тӑранӗ
ярасшӑн мар — выртса кай та выртса кай! Выртса тӑма-и-
ха? Тухать те вӑркӑнать килнелле! Утнӑ ҫӗрте утать, чупнӑ
ҫӗрте чупать.

глубокое озеро, вот и живём мы среди шумящих дубрав и плещущих вод!

Приятель молчит.

— У вас тут и лесов нет, чем же зимой-то топите? — не унимается старик.

— Соломой топим.

— Э-э, какая благодать! Солома, она, наверное, хорошо горит, да наши жёны-то, видать, и зажечь-то её не сумеют: мы ведь дубовыми дровами топим! А солому скотине на подстилку даём.

Тянет деда обратно домой — и всё тут! Хочется ему посидеть в тени своих лесов, на берегу своего озера. А приятель не отпускает: поночуй да поночуй! Куда там ночевать! Душа в лесные прохлады просится! Наспех прощается — и домой! Где шагает, где бежит, только бы поскорее к своему озеру, где прохлада навевает!

Хапхине усса вунӓ утӓм тӓватъ те кимӓ ҫине кӓрсе те ларать вӓл! Шывӓ йӓл-йӓл, кимми йӓр-йӓр, пуллисем йӓмпӓлт та йӓмпӓлт! Асатте пулӓ тытма ларать. Ларать вӓл кӓмӓл ҫулҫӓллӓ хӓва айӓнче савӓнса-хӓпӓртесе-рехетленсе, хӓйпе хӓй каласҫа:

— Эй, мӓскӓн хирьенсем! Мӓнле пурӓнасҫӓ-ши ҫав ҫынсем? Аре, ҫапла ӓнтӓ вӓл, кил-ҫурта улӓмпа ӓштӓтсан пӓрт тӓррине витмелӓх те юлмасть. Хӓрринчи ҫурт ҫине пӓхма та хӓрушӓччӓ, ҫи виттийӓ хуралса, шӓтӓк-путӓклансах кайнӓччӓ. Аре, мӓян та шӓтса тухнӓччӓ пулмалла. Аре. Ӕнтӓ хӓрӓмсен хир енне каймалла ан пултӓр! Эп, айванӓ, чухлаймастӓп-ха: вӓсен арҫыннисем сунара ӓшта ҫӓресҫӓ-ши? Хӓрӓсем ӓшта ҫырлана каясҫӓ-ши? Ачисем шӓхличӓсене мӓнрен касса тӓвасҫӓ-ши? Ӕстариккисем ӓшта пулӓ тытасҫӓ-ши?

Как только до дома дошёл, сразу удочку схватил! Открыл ворота, сделал десять шагов — уже сидит в лодке!

Вода сияет, лодка скользит, рыбы играют! Дед садится рыбу ловить. Сидит он под серебристой ивой, радуясь-блаженствуя — душу веселя. И сам с собой разговаривает:

— Эх, несчастные степняки! И как только живут эти бедолаги? Конечно, ежесть топить соломой, и крышу дома нечем покрыть. Ведь на крайнюю избу страшно было глядеть — вся крыша прохудилась, кажись, лебедой поросла. Ну, конечно. Боже упаси, чтоб мои дочери вышли в степную сторону. Я, глупенький, никак не пойму: где же охотятся их мужики? Где же собирают ягоды их девушки? Из чего же вырезают детям свистульки? А их старики где рыбу ловят?

Асатте ҫәрттан хыҫҫән ҫәрттан, уланкә хыҫҫән уланкә туртса кәларать, киле кимё тулли шултра, тутлә пулә тытса таврәнать.

Кун иртет те, ҫывәрма ыртаҫҫё. Асаттене пәчә темскер, ниепле те ҫывәрса каяймасть. Йывәр ҫумәр килмест пулёҫке тесе картишне тухать те сехёрленсе ўкет. Сём тёттём. Ҫўлте темскер кашласа шуса пырать. Хуралтәсем тәр-тәр-тәр чётренеҫҫё. Пётём йываҫ шатәртатса авәнать.

Кўлё енчен шапәр-шапәр! каш-каш! туни илтёнсе тәрать. Уләм витнё пўрт тәрри кашәл-л ҫёкленет те лаш-ш каялла анса ларать. Асатте пёр юпаран ҫатәрласа тытнә та ни вилё, ни чөрё тәрать. Каш-каш! тәвать ҫўлте шәваканни, чаш-ш! чаш-ш! сапатья сивё шывпа. Чыхәнса вилсе ыртманни кәна ёнтё асаттен. Ак пўрт тәрри тепре хашәл-л! шәтәр-шатәр! тәвать те, темскер, лапсәркка йёпе капан евёрлёскер, асатте ҫумёнченех шуса иртет.

Тавраләх уҫәла пуҫлать майёпен. Кашлани-чашлани ләпланать, ушкән-ушкән хур кайәк вёҫсе иртнё пек, вай-

Дед щуку за щукой, окунь за окунем вытаскивает, домой полную лодку рыбы привозит.

День проходит, настаёт ночь. Все спать ложатся.

Деду что-то душно, должно быть, думает, гроза приближается. Выходит во двор, и его охватывает жуть. Темно так, что ни зги не видать. Над головой шум стоит, словно там что-то ползёт. Дома дрожат. Деревья гнутся. Ворота скрипят.

А со стороны озера только и слышно: шабар-шабар! кашкаш! Соломенная крыша — раз! — поднимается, потом — раз! — оседает, потом опять поднимается. Дед схватился за какой-то столб и стоит ни жив ни мёртв. То, что поверху ползёт, ещё холодной водой окатывает. Дед захлёбывается, ему кажется, что он тонет. Вот крыша дома со скрипом и скрежетом ещё раз приподнялась, и что-то похожее на мокрый стог проплыло мимо деда.

Шум постепенно стихает. Кажется, наверху только птичьи крылья шумят. И небо прояснилось. Что такое? У деда

вй-вй тени сес илтёнсе тәрать. Ак пётрө пуç! Асатте ла-
чәрах каять — пұрт тәрри әста вёсен? Семейи уласа йёрет.
«Халь кәна витрёмёр-ске, халь кәна витрёмёр-ске!» — ма-
кәрать ман асанне. Урамра халәх шавлать: «Мён пулнә?»
та «Мён пулнә?»

Ак ял хёррине чупса тухащё. Ай турах! Пирён кўлө әста?
Пирён вәрман әста? Хәшөсем сәхсәхащё, теприсем хөвеле
пуçсапащё.

— Пирён кўлө вёссе кайнә вёт! — тесе кәшкәрса ярать
те ман асатте сөре тәшөрёлсе анать.

— Пётрёмөр! Пётрёмөр! Ырра мар ку! — хуйхәрать пётём
халәх.

Ак тата! Сулахай Киркки (ман Эверкке кумән аслашшө
пулать ёнтө вәл) пётём семейпе хурах кәшкәрса чупать.
Арәмө икө ачине йәтнә, тепри амәш аркинчен сакланса
хысран сөтөрөнсе пырать. Сулахай Киркки куçсульпе ма-
кәрать.

— Ял-йыш! Пире килтен хәваласа кәларчөс!

— Камсем?

— Пёлместпөр! Маччана сөмөрсө көчөс! Аран тухса тар-
тәмәр! Пуләшсамәр!

Халәх пуртә-сенөк йәтать те Сулахайсем патне ыткә-
нать. Йәпшәнса пырса пөри чүречерен пәхать.

— Мён унта? — ыйтащө ыттисем.

— Урайёнче сысна выртать!

— Сысна?!

— Тәватә урине те хуçнә — тәраймасть!

— Сысна мар ёнтө вәл! Пирён сыснасем маччаран сик-
мещө!

Хәш-пөрисем сехри хәпнипе каялла таращө. Хәюллә-
раххисем сөс тәрса юлащө. Шалтан хаш-ш! хаш-ш! сывла-
ни илтөнет.

— Ури сине тәриччен көрер пуль! — тет пөри, чи хәюлли.

ноги так и подкосились: куда подевалась крыша дома? Вся семья его рыдает. «Совсем новая крыша была! Совсем новая была!» — плачет его старуха. А на улице народ шумит: «Что случилось? Что стряслось?»

Кинулись за околицу. Боже мой! А где наше озеро? Наш лес где? Кто молится, а кто-то обращается к солнцу. Дед понял: вот что шумело ночью, вот что ползло по небу.

— Наше озеро улетело! — сказал он и как подкошенный упал на землю.

— Пропали! Пропали! Не к добру это! — горюет весь народ.

А это ещё что? Сулагай (он приходится дедом моему куму Эверкке) со всей семьёй несётся по улице и кричит: «Караул!» Жена несёт двоих детей, а третий схватился за мамкин подол и волочится по земле. Сам Сулагай слезами плачет:

— Односельчане! Нас выгнали из дома!

— Кто?!

— Не знаем! Ворвались через потолок! Еле ноги унесли. Помогите!

Взяв вилы и топоры, народ бежит к Сулагаю. Тихонько подкрадываясь, один смотрит в окошко.

— Кто там? — спрашивают остальные.

— На полу свинья лежит!

— Свинья?!

— Сломала все четыре ноги — не может встать!

— Да что ты говоришь! Это не свинья! Наши свиньи с потолка не прыгают!

Со страху некоторые убегают обратно. Остаются только самые смелые. А из избы доносятся глубокие вздохи.

— Пока не встала на ноги, её надо захватить! — говорит самый смелый.

Йӓпшӓнса-йӓпшӓнса пырасӓ те алӓка яр-р уссӓ ярасӓ. Урайӓнче висӓ ҫулхи мӓнтӓр сысна пек пулӓ выртать! Сулахайсен пурт тӓррине ҫемӓрсе, маччине шӓтарса урайне ӓкнӓскер! Пулли сухине хускаткаласа хаш-ш! тӓвать те, ҫынсем кӓпӓр-кӓпӓр каялла чакасӓ, ҫакӓнса тӓракан сӓпка маччана ҫити сикет.

— Пусас ку пулла! — тет хайхи Сулахай Киркки.

— Ах, Киркка, пӓчӓк ачусене те пулин хӓрхен, ан тив ку пулла, тем курса тӓрӓпӓр! — йӓре-йӓре ӓкӓтлет ӓна арӓмӓ.

Ыттисем те ҫак ӓслӓ арӓм майлӓ.

— Вӓрентсе ан тӓрӓр! Кунта эп хуҫа, пулӓ ман урайне ӓкнӓ, мӓн тӓвас теп — ҫавна тӓвап! — хивреленет Сулахай. Никама та итлесшӓн мар ӓтем — туххӓмрах пуйма шут тытнӓ пулӓ ҫав! — Пӓр шетник пулӓ тӓварласа лартап! — тет те ҫӓҫӓ туртса кӓларать.

Вот тихонько-тихонько подбираются и, настезь открывая дверь, врываются в избу. Оказывается, на полу рыба лежит! Величиной с трёхлетнюю матку! Она пробила крышу, потолок и упала на пол. Рыба шевелит жабрами и с таким шумом вздыхает, что люди со страхом отступают назад, а люлька, что посреди избы висит, подскакивает до потолка.

— Надо резать эту рыбу! — говорит осмелевший Сулагай.

— Ах, муженёк, хоть малых детей своих пожалей, не трогай ты эту рыбу, не трогай, кабы чего не вышло! — со слезами уговаривает его жена.

И остальные на стороне этой умной женщины.

— А вы не учите! Здесь я хозяин, что хочу, то и делаю! — ещё пуще распаляется Сулагай. — Целую бочку рыбы засолю! — И вытаскивает нож.

Мәнтәрән пулли! Темиҗе сехет шывсәр ыртса халсәр-ланнә ёнтё вәл — хәштик-хәштик сывлать. Паттәрланса җитет Сулахай, пулла сухинчен ярса тытать.

— Атте, ан пус! — кәшкәрсә ярать амәш аркинчен җакланнә ача.

Сулахай аллинчи җёҗё йәкәшт тухса ўкет: ара, виҗсе җитсе пёр сәмах каламан ачи калаҗма пуҗларё те!

— Ачам, калаҗма пуҗларәнам? Эпир сана нимуй пулать тесе җунса тухатпәр вёт! — савәнса йёрсе ярать Сулахай. — Ан хәра, пусмастәп! Ырә пулла пуссан ял ухмахё кәна мар, тёнче ухмахё пулап вара эп!

Пулла чун кёрет: хўрипе җәтәл-җәтәл тутарать.

— Атте, чўречене уҗ! — тет хайхи ача.

— Киркка, чўречўне уҗ! — шавлать пўртри халәх.

Чўречине яри уҗса пәрахать Сулахай. Пәравус пек хаш-хаш-хаш сывласа илет те пулә кантәкран хирёнсе вёҗсе тухса тўпене җёкленет. Туххәмрах куҗран җухалчё тет.

Бедная рыба! Столько времени лежи-ка без воды, она уже еле дышит. А Сулагай, тот совсем разошёлся — хватает рыбу за жабры.

— Папа, не трогай! — кричит тот малыш, который всё ещё стоит, вцепившись в мамин подол.

Из рук Сулагая нож выпал. Да и немудрено, ведь ребёнок до трёх лет молчал, а тут — на тебе — заговорил!

— Дитя моё, ты научился говорить? А мы горевали, что ты немой и останешься! — говорит Сулагай, плача от счастья. — Не бойся ты! Не трону эту рыбу! Если теперь эту рыбу зарежу, так глупей меня на всём свете не сыщешь!

А рыба оживает, уже хвостом бьёт.

— Папа, открой окно! — говорит мальчик.

— Сулагай, открой окно! — шумит народ.

Сулагай настежь открывает окно. Задышав как паровоз, рыба боком вылетает из окна. Говорят, в мгновение ока скрылась из глаз.

Ҷаван чухне темён чул пула ўксе юлна (вѣттисем пирки калап-ха эп), сынсем витри-витрипе пустарса кѣчѣс тет.

Халь мѣн тумалла ѳнтѣ? Кўлѣ Ҷук, вѣрманѣ те Ҷѣньял енчи Ҷѣс тѣрса юлна, Атѣк енчи пѣтѣмпех вѣссе кайна. Вурт та вил! Этемѣн пѣрех пурѣнас пулатъ. Асаттен тата пўрт тѣррине юсамалла.

Эрне иртет, халѣх Ҷавах лѣпланаймасть-ха, сѣмах кўлѣ Ҷинчен кѣна. Ак пѣри (сѣре ѣсли!) ыттисене ѣнлантарать:

— Пирѣн кўлѣ халиччен Ҷумѣр пулса Ҷуса пѣтнѣ!

Тарѣхса каять ман асатте.

— Пирѣн кўлѣ Ҷумѣр пулса Ҷавас пулсан Чѣваш Ҷѣршывѣ тѣлѣнче пѣр чарѣнмасѣр Ҷѣр Ҷул чашлаттарса тѣмалла! Тем, Ҷумѣр Ҷуни Ҷинчен шарламаҶѣ-ха, пур Ҷѣрте те шѣрѣхпа асапланаҶѣ!

Кутамкка Ҷакать те асатте тухса каять кўлле шырама. Хамѣр енче Ҷитмен вурѣн хѣвармасть. Типме пуҶланѣ Ҷырмасем пур тет — кўлѣ таврашѣ курѣнмасть тет. Хѣйхискер Хирьенне Ҷитет, палла тѣранѣ патне кѣрсе тухма шутлатъ.

Вѣштѣр-вѣштѣр уҶѣ Ҷил вѣрет тет ку енче, утнѣсем утас килет тет. Ак сана! Унччен тырри-пулли кѣтѣѣр-кѣтѣѣр кѣна ларатчѣ, халь пѣкѣ курѣнмалла мар, Ҷѣлен шуса кѣмелле мар ўссе кайна! Ха, хѣрринчи пўрт тѣррине те Ҷѣнѣрен витнѣ! Кил хуҶи карчѣкѣ те кунтах: пўрчѣ Ҷине Ҷул варринчен ытараймасѣр пѣхса тѣратъ.

— Мѣнле пурѣнан, кинемей? — ыйтать ман асатте.

— Пурнѣс мая кайрѣ ѳнтѣ, ыльѣм, мая кайрѣ!

— Кинемей, сан пўрт тѣрри Ҷѣнѣ-Ҷке?

— Пѣх-ха, ыльѣм, пѣх-ха: пуҶ турипе туранѣ пекех вѣт!

Тѣсесе пѣхатъ те асатте сулѣнсах каять. «Ман пўрт тѣрри вѣт ку, ман пўрт тѣрри!» — тесе кѣшкѣрасшѣн та мѣскѣн этем, анчах сасси тухмасть. Ак пѣр хѣрушла шухѣш хирѣнсе кѣрет те ун пуҶне, вѣл пўрт тѣрри Ҷинчен те манса каять, сасси те уҶалатъ.

Тогда из озера выпало очень много рыбы: и крупных, и мелких. Люди собрали целыми вёдрами.

А что теперь делать? Озера нет, и лес остался только в одном месте, остальной весь улетел. Хоть умри! Но человеку жить надо. А деду ещё и крышу чинить надобно.

Неделя проходит, а народ всё ещё в себя прийти не может, разговор только об озере. Вот один (самый умный!) объясняет:

— Наше озеро уже давно превратилось в дождь и выпало на землю!

Дед чуть не взорвался от гнева и обиды.

— Если бы наше озеро превратилось в дождь, над чувашской землёй, не переставая, сто лет ливень бы шёл. Что-то про дождь не говорят, везде от жары мучаются!

Он вешает котомку и тотчас же выходит в путь в поисках великого озера. Везде ищет, не оставляет ни уголка. Засыхающие реки есть, а озера нет.

Наконец дед доходит до степного края, и захотелось ему своего приятеля навестить.

Вот чудеса! В этом краю и дышится легче, навевает такая приятная прохлада! Смотри-ка! Раньше поля эти сохли, а теперь такая колышется пшеница! Ха, крайнего дома и не узнать, у него новая крыша! И хозяйка-старушка здесь, смотрит на свою крышу — не налюбуется.

— Здравствуй, бабушка, как живёшь? — спрашивает её дед.

— Жизнь пошла на лад, миленький, на лад пошла!

— Бабушка, никак, у тебя новая крыша?

— Ты только посмотри, какая крыша: словно её гребешком причесали! Просто загляденье!

Посмотрел дед внимательней да чуть с ног не свалился. Хочет крикнуть бедный человек: «Да это же моя крыша, моя крыша!» Хочет крикнуть, да вот голос пропал.

- Кинемей, ав ҫав, кӑн-кӑвакки, мӑн вӑл?
- Кӑн-кӑвакки-и? Малашне ӗнтӗ чӑмпӑл-чӑмпӑл, шӑмпӑр-шӑмпӑр туса ҫеҫ пурӑнатпӑр пуль!
- Кинемей! — кӑшкӑрмаллипех кӑшкӑрса ярать ман асатте. — Ав ҫав, кӑн-кӑвакки, мӑн вӑл?!
- Ыльӑм, хӑлхи хупланман-ха ман, витӗрех илтеп-ха. Кӑн-кӑвакки тавра унта сип-симӗсси ешерет! Малашне ӗнтӗ юман вутти ҫеҫ хутса пурӑнатпӑр пуль! Унччен улӑм хутса асапланаттӑмӑр.
- Кинемей! — сехӗрленсе-тархасласа ыйтать асатте. — Ав ҫав, кӑн-кӑвакки, мӑн вӑл?!
- Куками, — илтӗнсе каять пӗр нӑйӑлти сасӑ, — эп Ҫуткӗл хӗррине пулӑ тытма каяп!
- Мӑнпе тытӑн-ха, савнӑ мӑнукӑм?
- Алапах. Унта пулӑ кӗшӗлтетет кӑна! Куками, пӗлетӗн-и, пирӗн кӗлӗре сысна пысӑкӑш пулӑ пурӑнать тет. Ҫынсем курнӑ!

Но тут ошеломила его страшная мысль, и он тут же забыл про крышу, и голос у него враз прорезался:

— Бабушка, а что это вдали, вон, синее-синее?

— Синее? Теперь, видать, будем жить-поживать, этой синевой огорода поливать!

— Бабуся! — кричит испугавшийся дед. — Что это вдали так синее?

— Не кричи, миленький, не кричи, я ещё не оглохла, хорошо слышу. Вокруг синевы там ещё и зеленеет! Впредь, видно, только дубовыми дровами будем топить!

— Бабуся, — оцепенел дед, — а что это, что?

— Бабушка, — раздаётся тоненький голосок, — я иду на озеро рыбу ловить!

— Внучек ты мой, чем же будешь ловить?

— Решетом! Там рыба кишмя кишит! Бабушка, говорят, в нашем озере огромная рыба живёт, величиной в свинью! Люди видели!

Чупать асатте, вӑркӑнать. Пирӑн кӱлӗ тет ҫав! Вӑрманӗ те, кайӑк-кӗшӗкӗ те — пӗтӗмпе, пӗтӗмпе пирӑн! Асаттен юратнӑ хӑви те хӑй вырӑнӗнчех, анчах ун айӗнче леш нӑйӑлти ача хуҫаланса ларать. «Ҫытма йӗм! Сан юратнӑ йывӑҫ мар вӑл, ман юратнӑ йывӑҫ!» — вӗчӗхет чунӗ тӑвӑнса килнӗ асатте.

Тинех мӗн тӑвайӑн? Кайса ларать пӗр ҫинҫе хурӑн айне. Хурӑнӗ йӑнк-йӑнк авӑнать, асаттен чӗри туртса ыратать.

Шӑв-шав тапратма та шутлать асатте, анчах мӗн усси? Кӱлли таҫтан вӗҫсе килнине тунса тӑмӗҫ-ха хирьенсем, ҫын хуйхине ӑнланакансем те пулӗҫ ку ялта, «илсе кай кӱллӱне» текенсем те тупӑнӗҫ. Анчах мӗнле илсе каян ӑна? Йӑтса-и? Тиесе-и? Аҫта кайса кӗрен? Каялла таврӑнать асатте. Тепӗр кунне пӗтӗм Атӑкӗ-Ҫӗньялӗ кӱлӗ патне каять. Каять те — пушӑлла таврӑнать.

Эп унта ҫулсерен кайса тӑратӑп. Ятарласа. Каймассерен сӑваплӑ шывӗпе пит-куҫа ҫуса килетӗп. Мана ҫакӑ тарӑхтарать: мухтанасҫӗ, мухтанасҫӗ вара хирьенсем, пирӑн кӱлӗ те пирӑн кӱлӗ теҫҫӗ. Мӑшт тӑрасчӗ! Вӑл кам кӱллине атӑксемпе ҫӗньялсем вӗсенчен лайӑхрах пӗлесҫӗ пулӗ.

Ватӑлтӑм та, ҫавах пурӑнасчӗ-ха, хамӑр кӱлӗ каялла вӗҫсе киличчен пурӑнасчӗ. Курасчӗ ҫав телейлӗ куна!

Эп мӑнтӑр пулла сӗре шанап — пусмарӗҫ вӗт-ха ӑна пирӑн ялсем, ыррӑнах кӑларса ячӗҫ, нивушлӗ ҫавна манса каймалла вӑл, нивушлӗ кӱлле каялла ҫавӑрса килмелле мар? Килмелле!

Дед заторопился. «Да, там наше озеро плещется! Всё наше — и лес, и птицы!» Любимая ива старика тоже на месте, но под ней сидит тот писклявый мальчишка. «Ах ты молокосос! Не твоё это любимое дерево, а моё», — возмущается оскорблённый дед.

Но что поделаешь? Уселся он под тонкую берёзку. Берёзка гнётся до земли, сердце деда сжимается до боли.

Дед хотел было поднять шум, а толку-то? Степняки, может, и не стали бы скрывать, что озеро к ним прилетело с другого края, может быть, посочувствовали бы человеческому горю, некоторые так и сказали бы: «Коли ваше, забирай!» Но как забрать? Как увезти? На себе? На подводе?

Куда денешься? С пустыми руками возвращается дед. На следующий день вся деревня отправляется к озеру. Отправляется, да с пустыми руками возвращается...

Я каждый год посещаю наше озеро. Непременно посещаю. И каждый раз умываюсь его священной водой. Меня вот что возмущает: хвастаются, хвастаются степняки: «Наше озеро» да «Наше озеро». Помолчали бы!

Состарился, но поживу ещё. Дождусь того счастливого дня, когда наше озеро прилетит обратно.

В моей деревне до сих пор верят, что озеро вернётся. Всё на ту большую рыбу надеются: ведь отпустили её, не обидели. Неужели она забудет это? Не должна забыть. Неужели не вернёт озеро обратно? Должна бы вернуть. Обязательно должна!

Мёнле-ха пулншас тар?

Мускава каймалла-ха. Аттус мёнле пурәнать-ши, кайса курас. Аттус кам въл тетне? Ун пек ята илтмен-и? Ара, хранцуссен сав ятлă чаплă салтак пулнă тет, мушкет йăтса сўрекенскер, саванпа а́на «мушкетёр» тенё. Калап-ске пёлен тесе!

Сапла, сапла, мушкетёрё маттур та чăрсър пулнă тет. Въл телейне те тутанса пăхнă пулё-ха. Ун ячёпе чёнекен кушак вара сассим урăхла пурәнатчё.

Ара, кайнăччё Мускава аслă ывăлăм Кришша патне. Пурте сывлăхлă, таса, ёслекеннисем ёслецсё, вёренекеннисем вёренецсё. Саванса сех пуран.

Э-э-э, апла мар иккен, пёр мёскён чун пур ку килте! Аттус ятлă кушак. Ларать Аттус чўрече синче кунё-кунёпе урамалла пăхса! Урамалла пăхать те, улттăмёш хут чўречинчен мён куран? Сёр питне те, йывăс-курăк хумханнине те кураймастăн. Пуш сывлăш, хирёсси, вун ултă хутлă сурт търри, пёр пек чўречесен речё — сакă сес ун умёнче. Ара, ку кушакан кус тулли куссуль пуль тетёп, э-э, унтан та хăрушăрах иккен: кусё — пуш-пушă, унта саванăс та, хуйхă та сук!

Н Как же не помочь?

Надо бы мне съездить в Москву — как там Аттус проживает? Не слышал такого имени? Не может этого быть — слышал ты это имя! Такой француз был, умный, смелый, благородный, всё время мушкет носил, потому и мушкетёр. Правда, его звали Атосом, но мой язык почему-то выговаривает «Аттус», ну так и буду говорить. А-а, говорю же, знаешь ты его! Но сейчас не про него речь.

Был я в Москве, у старшего сына Григория. Слава богу, хорошо живут: все здоровы, кто работает, кто учится. Мир царит в доме. Живи и радуйся.

Э-э, оказывается, не так, в доме есть несчастное существо по имени Аттус. Конечно, так прозвали его надеясь, что вырастет умный, отважный кот под стать прославленному мушкетёру. А вышло наоборот. Сидит Аттус на подоконнике, день-деньской смотрит на улицу. А что он видит из окна шестого этажа? Не увидишь ни лица земли, ни колыхания трав, ни луж тебе, ни ручейков после проливного дождя, не услышишь ни щебета, ни детских голосов. Пустой воздух, крыша шестнадцатипятиэтажного дома, ряд одинаковых окон — только это перед его глазами! А где же

Чёре шарах суралса кайрө — пётет вёт чөрө чун! Мён тавас?

Тепёр кунне, пурте ёсе, института салансан, Аттуса урама йатса тухрәм. Лифтпа чиперех анса кайрәмәр, ман кушак техника-мёнрен хәрамасть, килте телевизорё те, приёмникё те пур.

Мёнле урама тухрәм — сәпла сүхәрса ячө, сөре ятам — йәпәр-япәр ман тәрәх хәпарса кайрө, каялла хәпәтма та сук.

— Ан сүхәр-ха, — теп, — кур-ха: ку йывәс пулать, ку — сүлсә, епле сөмсө, халь сөс сарәлнә! Шәршине ытарма сук, шәршласа пәх-ха!

Сук, Аттуса сүт тәнче кирлө мар, аһа хәй «төрми» кәһа кирлө. Сүне пусланә сәмрәк чун. Юрө. Паянләха ситө.

Каялла хәпартәмәр. Түрех диван айне ыткәнчө, унтан мәнукәм институтран киличчен те тухмарө.

славная мушкетёрская жизнь?.. У меня чуть сердце не разорвалось — ведь живая душа пропадает. Что же делать?

На следующее утро, когда домашние разошлись кто на работу, кто в институт, беру Аттуса на руки и — на улицу! На лифте спустились нормально — мой кот не боится никакой техники, дома есть и телевизор, и приёмник.

Но как только я спустил его на землю, так он завизжал и мигом забрался на меня — невозможно отцепить.

— Не визжи, — говорю, — не позорься. Смотри, вот это дерево, посмотри, какие у него листья, мягкие, ещё на них и пылинка не садилась. А какой у них запах, понюхай!

Нет, Аттусу живая природа не нужна. Ему нужна только своя «тюрьма». Ну ладно. На сегодня хватит. Возвращаемся обратно. Сразу же бросился под диван.

Вышел Аттус оттуда только вечером, когда вернулись остальные.

Тепёр кунне иксёмёр юлсан хайхискерне татах урама илсе тухас терём. Тарать манран. Каллех диван хыҫне пытанчө. Тытрам. Кәшкәрать. Ҙапәсать — ман пит-куҫа чавса кәларасһән. Пёрех илсе тухап — ҫамрәклях пётме памәп чөрө чуна, пёрех сыватап! Тухрәмәр урама. Ман ҫума сухәр пек ҫыпҫәнчө, чөрнисем пиншакпа кёпе витёр тухса ўте тәрәнчөҫ — тўсеп! Хамәр ҫурт тавра утса ҫаврәнап, кунта сад пек, йывәҫ лартса тултарнә.

Ак ик кәвакарчәна курчө те Аттус тәр-тәр чөтре пуҫларө.

— Айван, эс мар, вёсен санран сехёрленсе тәмалла, ара, эс арәслансемпе тикәрсен ратнинчен вёт! — әшһән калап ёнтө, ахаль те мёскён, мён вәрҫас.

Кәшт ләпланчө, пәхать, пәхать кәвакарчәнсем ҫине — тен, сунарҫә чунө вәранчө пулө? Пәхма пәхать те хай ҫавах аяла анма хәрать. Вара чееленсе хам ҫөре лартәм — ҫөрө пётөмпех әһәнса ҫитнө! — ларап хурән айёнче, темле

На следующий день, когда мы с ним остались только вдвоём, я хотел его опять же вынести на улицу. Убегает от меня. Вот я его поймал в углу дивана. Визжит, царапается, чуть мне глаза не выцарапал. Всё равно вынес — не дам ему пропадать в такие молодые годы. Всё равно вылечу!

Хочу отпустить его на землю, нет, как смола приклеился ко мне, когти аж через пиджак, через рубашку вонзились в тело — терплю! Так, с котом на плече, обхожу вокруг дома — тут как сад, весна благоухает.

Вот Аттус увидел двух голубей и прямо затрясся.

— Дурачок, не ты должен трястись, а они должны трепетать перед тобой, ты ведь из рода тигров и леопардов, — говорю ему ласково, и так он горемыка несчастный, что ругать-то его?

Немного успокоился. Смотрит, смотрит на голубей — может быть, в нём просыпается душа охотника? Но всё равно на землю не спускается. Ну ладно, схитрил я, сам усел-

чёлтёрти сар чечек хушшинче, кáвакарчáнсем кáвáлтатáсçё,
çулçáсем шёпёлтетесçё. Аттус хáлхи вылянса сес тáрать!
Ак мансах кайрё ман чёрси синче ларнине, хáех сёре сикрё!
Хавхалантарап:

— Маттур, Аттус, маттур!

Кáштах хáюланчё. Пёр хурáнё айне серте тапса тухнá —
ем-ешёл, тап-таса. Кушак áна шáршласа пáхать, унтан пёр
çулçине тёксе илет. Çулçá силленет — Аттус каялла ча-
кать. Çулçá тáп пулать — Аттус каллех пырса тёкет. Вы-
лять, сав вáхáтрах áс пухать — чисти пёчёк ача! Ак хайхи!
Ман Аттус серте айне кёрех кайрё. Хáраса ўкнё иккен —
мáяв! тесе çухáрса ячё.

Лáплантарап:

— Кунта эп, кунта, ан хáра! Тáвану-хурáнташусем джун-
глисенче сýресçё, эс сертерен хáран! Тýрех распуй кáш-
кáрмаççё ёнтё áна, чáтаç кáшт!

ся на землю — а земля согрета! — сижу на тёплой, доброй земле, среди сияющих жёлтых цветов, вокруг разногolosый щебет. Уши Аттуса ходуном ходят! Вот тебе раз — он забыл, что сидит на моих коленях. Сам спрыгнул на землю! А я подбадриваю:

— Молодец, Аттус, молодец!

Осмелел. Осторожно, одним коготком дотрагивается листика. Листик пригибается — Аттус отступает назад. Листик выпрямляется — Аттус трогает его другой лапой. Ха, играет, в то же время набирается ума и радости — как маленький ребёнок! Вот тебе! Аттус скрылся среди трав. Но, видно, испугался — мяу! да мяу!

Я уже говорю более строгим голосом:

— Тут я, тут, не бойся! Сейчас вся твоя родня ходит по джунглям, а ты испугался одуванчика! Сразу же кричишь «разбой!» Не годится так!

Шәпланчә. Кәмәлне кайрә сәр синчи пурнаҗ! Аран пурте илсе кетәм. Түрех чүрече сине сиксе хәпарчә, каллә-маллә чупкалать. Куҗәнче темле хавал выляса тәрәть. Тухасшән макәрәть.

— Аттус, паянләха ситет!

Пуртре тәма май сук, манран сакәнәть. Умлә-хыслә тата иккә тухса кетәмәр. Унччен сини те сукчә, халь мән паран, савна сәптәрәть.

Сав каҗ сәрәпе сывраймарәм — шухәшлап. Эп кушак няньки пулаймастәп. Ман киле каймалла, карчак та кетсе ывәнчә пуль. Аттус мәнле вара? Унчченхилле, төрмери пек, пурәнтәр-и? Юрамасть! Мән тумалла-ши?

Шухәшласа тупрәм!

Тепәр кунне ир-ирех тухса кетәмәр Аттуспа. Тухрәмәр та — ак сана! Лапсәркка кәна пәчәк вәрене айәнче пәр кушак лара парәть!

Ман Аттус тән хытса кайрә, куҗ илмесәр пәхәть, сәмсипе нәш-нәш туртәть. Лешә кунталла сывхарсанах курпунне кәларса, сәмне вирелле тәрәтса әр-р-р! әр-р-р! тесе хәрәтәть. «Пулчә! Юнә вәреме пусларә, халь пәтмест!» — терәм. Чунәм ләштах кайрә. Халь әнтә шутланине тәвас! Аттуса киле кертсе хәварап та (урәм-сурәм макәрса юлчә!) ху-сәләх лавккине чупап.

Унта пушәт-мунчала-сүс сук вара (ахальтен тәп хула мар әнтә!). Туянтәм виҗсәлле явнә вәрен. Аллә метр. Пурсән пек йәлтәркка та питә тән-тән хәй.

Чупса килтәм каялла. Ман Аттусән куҗ тулли куҗсуль! Мәскән!

Ачашлатәп:

— Аттус! Нивушлә ман синчен сапла начар шутларән? Нивушлә эп сана пәрахса хәварап?

Пәр кивә сәм тутәр шыраса тупрәм, вәренпе Аттуса илсе хамәр тәлте, пәрремеш хутра, пурәнакансем патне антәм.

Притих. Понравилась ему жизнь на земле. Еле-еле домой принёс. Сразу же спрыгнул на подоконник, носится туда-сюда, туда-сюда. В глазах огонёк горит, подбегает к двери, повисает на дверной ручке — на улицу просится.

— Аттус, на сегодня хватит!

Невозможно усидеть дома. Урчит, издаёт требовательные звуки. Подряд ещё два раза вышли на улицу. Раньше он почти ничего и не ел, теперь что дашь, то и уплетает.

Тогда всю ночь глаз не сомкнул — думаю. Я не могу быть кошачьей няней. Мне пора домой. Сердцем чувствую, моя ненаглядная старуха итак уже заждалась. А как же Аттус? Пусть и дальше живёт как в тюрьме? Нет, такое не годится! Что делать? Придумал!

На следующее утро мы с Аттусом прошли всю улицу. Идём торжественно: Аттус впереди (хвост трубой!), я — за ним.

Ха! Сидит под кустом кот — рыжий, большой, гордый.

Мой Аттус остановился как вкопанный. Вся шерсть встала дыбом, рычит, выгнул спину. «Ну, теперь не пропадёт!» — подумал я и сразу же стало легко и радостно.

Теперь надо исполнить задуманное. Возвращаемся домой. Оставляю его одного, аж на улице было слышно, как рвётся он на волю. Я же бегу в хозяйственную лавку, но там нет ни лыка, ни мочала, ни вожжей (недаром же столица!). Ну ладно. Купил я очень толстую, кручёную верёвку. Пятьдесят метров. Бегу обратно. Прихожу — у Аттуса глаза полны слёз! Отворачивается.

— Аттус, неужели ты мог подумать про меня так плохо? Ты слышал, чтоб Юманов Прокопий когда-нибудь и кого-нибудь оставил в беде? Никогда и не услышишь!

Разыскал я старый шерстяной платок. Вот беру эту вещь, верёвку, Аттуса и спускаюсь на первый этаж. Стучу в дверь квартиры, которая расположена под нашей квартирой.

— Страствайте! Эп — Юманов Прокопий Степанчя, Сёньялтан килнё. Мана сәнав тума расрешени парсамәр!

— Пашалстә!

Ак вёсен кухня чүречине усап та Аттуса сада тытса ывә-тап (сүллё мар, ним хәруши те сук!). Эх, кәшкәрәть леш, эх, сүхәрәть, — манран уйрәласшән мар! Вәл сүхәрни Мускавра сөс мар, обласәнче те илтөнет пуль. Эп вёрен вёсне сәм тутәра сыхап та чүречерен аялалла ярап. Унтан вёрене майёпен-майёпен каялла туртап, сәм тутәр сүлелле-сүлелле хәпарәть. Аттус макәрәть, хәпарасшән стена сине сикет. Вәл хәпараймасть, сәм тутәр хәпарәть.

Эп ләпкән кәна:

— Аттус, кил, кил кунта, — тетёп сәм тутәра ун сәмси тёләнчех тытса.

Ак ман Аттус сикрө те сәм тутәртан сакланчө! Пусәран вёрен вёссөн шыв кәларнә пек туртап часрах!

— Здравствуйте! Я — Юманов Прокопий Степаныч, приехал из Синьял. Разрешите мне провести один опыт!

— Пожалуйста!

Вот открываю окно на их кухне, хватаю Аттуса и бросаю его вниз (не высоко, совсем не страшно!). Аттус визжит, его крики слышны, наверное, не только в Москве, но и в Подмосковье. Я же привязываю к одному концу верёвки платок и ровненько опускаю его вниз, к Аттусу. Потом верёвку тяну назад, платок поднимается вверх, куда рвётся и Аттус. Кот визжит, прыгает на стену. Он не может подняться, а платок поднимается. Я так спокойно, желая добра:

— Аттус, иди, иди сюда! — и держу платок прямо перед его носом.

Ха, Аттус спрыгнул и вцепился в платок. Я же тяну верёвку с ценным грузом вверх — так поднимают ведро воды из колодца.

Аттус җитрә те! Пёрремёш хутра пурәнакансем те саванса кайрәс, кушак хай те ниҗта кайса кёреймест. Татах җапла хәпарасшән!

— Хәпарассу килсен анас пулать, — тетёп. — Җаклан тутартан!

Ыттисем хавхалантарса-җёклентерсе тәнә чух тем те таватән, теме те әнкаратән! Аттус җакланса анать, җакланса хәпарать!

Пёрремёш хутра пурәнакансене тав таватәп та вёсен төләнче, иккёмёш хутра, пурәнакансем патне уләхатәп.

— Страствайте! Эп — Юманов Прокопий Степанчә, Җёньялтан килнө. Мана пёр сәнав тума расрешени парсамәр!

— Пашалстә!

Пёр әнсан әнсах пырать! Тепёр кунне виҗҗёмёш хута хәпаратпәр. Чиперех! Анать Аттус, чупкаласа җурет (эп хам аләри вёрен вёсне кухня чуречи айёнчи батарейәран җыхса хурап та җав хушәра куршёсемпе чей ёссе ларап),

Дошёл Аттус, спрыгнул на пол. Все обрадовались. И сам Аттус не знает куда деваться от радости. Спрыгнул на подоконник, смотрит вниз. А я так строго:

— Хочешь ещё раз так подняться? Тогда сначала надо спуститься. Ну-ка, зацепись!

Когда тебя подбадривают, радуются за твой успех, всё получается, всё понимаешь. Аттус, цепляясь за платок, спускается вниз, цепляясь же, поднимается вверх.

Прощаемся с жителями первого этажа, идём к жителям второго этажа.

— Здравствуйте! Я — Юманов Прокопий Степаныч, приехал из Синьял. Разрешите мне провести один опыт!

— Пожалуйста!

Всё нормально. Аттус спускается, побегает, поиграет, подерётся. А я в это время другой конец верёвки привязываю за батарею, что на кухне, и сижу с добрыми соседями, попивая чай. Прибегает вдоволь наигравшийся Аттус, дёрнет за

кайран вѣрентен пырса туртатъ те — эп ѿна каялла хӕпартап. Ёнтѣ пѣтѣм ҫурт Аттус та Аттус тесе ҫеҫ тӕратъ. Хӕйне юратнине, мухтанине сисет тата, мур! Ура ҫумне пырса сѣртѣнет, лайӕх моторлӕ трактор пек мӕрӕлтататъ. Кашни кун пѣрер хут ҫӕлерен ҫӕле хӕпарса пыратпӕр.

Акӕ ҫитрѣмѣр улттӕмѣш хута! Майӕн вун тӕваттӕмѣшѣнче. Ёнтѣ ҫурчѣпе пуҫтарӕнчѣс. Ватти те, вѣтти те. Вѣрене тѣрѣслеп: ҫирѣп-и, татӕлса ан кайтӕр. Ҫакланмаллине лайӕх ҫыхнӕ-и?

— Аттус, хатѣрлен!

Ҫакланчѣ. Вѣрене аялалла тикѣссѣн шутаратӕп. Ҫитрѣ Аттус! Анчѣ. Ха, тӕрех ҫӕлелле хӕпарасшӕн!

— Кӕшт ҫӕрекеле-ха, уруна ҫемҫет! — тетѣп.

Ҫук, халех улӕхасшӕн! Хѣрсе кайнӕ! Юрѣ. Ҫакланчѣ. Ҫӕлелле туртап. Акӕ вӕл, пирѣн Аттус, телейлѣскер, вӕйлӕскер, ѿслӕ та хӕюллӕскер! Улттӕмѣш хута вѣрен вѣсѣнчен ҫакланса хӕпарма мѣн чул вӕй, мѣн чул хастарлӕх кирлѣ — ҫав кун вӕл апат ҫинѣ чух тирѣкѣ ҫумѣнчех ҫывӕрса кайрѣ.

Юрѣ. Пурнӕҫ кайрѣ Аттусӕн! Ир-ирех тухса каять те кӕнтӕр апатне ҫеҫ килет, ҫиет, ҫывӕратъ, каллех тухса каять, тѣттѣм пуличчен ҫӕрет ҫурт таврашѣнче — ытти кушаксемпе ҫапӕҫать, кӕвакарчӕнсене шуйхататъ, йывӕҫсем тӕррине хӕпара-хӕпара каять (уншӕн темле йывӕҫ та ҫӕллѣ мар!), сунарла вылятъ: йӕпшӕнса-йӕпшӕнса пыратъ те ҫерҫисем ҫине чалт сикет. Шӕрӕх сехетсене серте айѣнче выртса ирттерет. Ун чухне ѿшӕ ҫумӕр ҫукалатчѣ. Аттус пытанмасть, ҫумӕр айнех тухса тӕратъ, кайран лӕстӕр-лӕстӕр силленет, ҫѣрте йӕваланатъ.

Ҫавӕн чухнех чапа тухрѣ. Вѣсен килѣ умѣнче автобус чарӕнатъ, хайхине асӕрханӕ ҫынсем: улттӕмѣш хутран кушак аннине пѣтѣм халӕх пӕхса тӕратъ.

Ҫакланса ҫӕреме хӕрушӕ, Аттус ѿкме пултаратъ тесе Кришша пѣр-ик кунранах ешчѣк туса килчѣ. Ешчѣкѣ —

конец верёвки, которая лежит на земле, под окном первого этажа, и я поднимаю кота наверх. Аттус чувствует, что все его любят, желают успеха, и мурлычет как хороший мотор на исправном тракторе. Говорят, смелость берёт города. Мы же с Аттусом берём этажи. Весь дом болеет за отважного кота, все ждут того дня, когда он покорит и шестой этаж.

Настал этот день. Собрались все жители нашего дома: и стар и млад. Проверяю снаряжение — крепко ли, удобно ли.

— Аттус, приготовься!

Вцепился. Ровненько спускаю верёвку. Спустился на землю. Ба, сразу хочет подняться. Надо бы ему поразмять лапы. Но — тяни, мол, вверх! Ну ладно, сцепился, поднимаю его наверх. Когда он поднялся, в толпе болельщиков раздался вздох облегчения — какой же у нас хороший кот. Конечно, сколько сил и отваги нужно было ему, чтоб покорить этот шестой этаж — в тот вечер он заснул прямо рядом со своей миской.

Совсем иная жизнь началась у Аттуса. Уходит рано утром, приходит только на обед, поест, поспит и — опять на улицу, гуляет до вечера, дерётся с другими котами, забирается на самые высокие деревья, жаркие часы проводит в кустах, охотится. Когда шли проливные дожди, Аттус не прятался, стоит под дождём, потом встряхнётся и опять под дождь!

Прославился сразу. Перед домом есть автобусная остановка. Вот и заметили пассажиры, как передвигается отважный кот.

Сын Григорий очень переживал за кота, мол, Аттусу опасно так ездить, и смастерил ему ящик. Ящик красивый, с окошечком (чтоб во время спуска и подъёма любоваться окружающим миром). Нажмёшь на какую-то кнопку в одном углу — ящик спускается, дверца открывается — вот

тăпăл-тăпăл, пластмассран тунă, чўречеллĕ (аннă-хăпарнă чух çут тĕнчене курса пыма!). Пĕр кĕтессинчен кăшт пусатăн та — алăкĕ уçалать, тепре пусатăн — шăкăлт каялла хупăнать. Кришша шăлтăрма та майлаштарса пачĕ. Хăть те ĕнтĕ çĕр хут анса хăпар! Ёрехет! Çук, Аттус килĕштермерĕ çак меллĕ ешçĕке (капла ытла çăмăл терĕ-ши?), шăлтăрмине вара хапăлах пулчĕ: мана пулăшасшăн пулас, ара, ман ёсе, вĕрене аяллала-çўлелле шутарассине, шăлтăрмапа тума пулать-çке.

Юрĕ. Каймалла вĕт ман, карчăкăм кĕтсе халтан кайрĕ пуль. Сисет ырă чун: эп каяс кун Аттус килтен тухмарĕ, ман тавра кăна çаврăнать, пуçĕпе ман ал çумне пырса сĕртĕнет. Пĕр шутласан, эп чĕртрĕм-çке ăна, эп пулман пулсан... кай, аса илме те хăрушă! Аса илсен пăшăрханнипе çĕрле вăранса каяттăм.

ты уже на земле; нажмёшь на другую кнопку — ящик поднимается, дверца открывается — и ты уже дома! Гриша платок заменил на обруч. Он и блок поставил. Без всяких забот хоть сто раз спускайся и поднимайся! Аттус же от ящика отказался наотрез (может быть, он подумал, что слишком уж лёгкая езда получается), а блок принял охотно. Думаю, он хотел мне помочь, ведь мою часть работы — разматывать и наматывать верёвку — можно было выполнять с помощью блока.

Ну ладно. Мне ведь надо домой возвращаться. Аттус — вот добрая душа! — всё чувствует, обо всём догадывается: в день моего отъезда ни на минуту не отлучался от дома, только около меня и крутится, смотрит в глаза, трётся головой о ноги. Ну ладно, не будем говорить про расставание...

Ҙур Ҙултан каллех Мусква каяп. Телеграмма Ҙаптар-марам: юратмастап Ҙынсене Ҙармантарма. Хам Ҙитей-местеп-им, миҘе пулна Мусква! КарҘакам темён чухлө кучченеҘ парса ячө. Икө хуплу, пөр сысна пөҘси, пөр пысак бидон пыл (высшай сорт!), виҘө банка сар Ҙу, пөр шарттан, темиҘе мая сухан йатна. Ҙитрём Мусква.

Түрех такси тытрам. ВөҘтертөмөр. Чун-чөрем саванса пырать.

— Ыльям, Черөмушки пасарө енне тыт!

Пасар патне Ҙитрөмөр, таксист малалла мөнле каймаллине ыйтать.

Адресне кёсьене чикнөччө-ха. АҘта адрес? КаҘчум кёсьисене ухтара пуҘларам — ах, Ҙав карҘака! Ма чапла каҘчум тахантартса ярать-ши? Шалта та кёсье, тулта та кёсье, умра та кёсье, хыҘра та кёсье! Пөрне ухтарап, теприне тустарап — Ҙук ман адрес!

Через полгода опять еду в Москву. Телеграмму не дал, пусть будет приятный сюрприз, сам, что ли, не могу доехать — столько раз бывал в столице. Везу деревенский гостинец — два хуплу, большой окорок, бидон мёда (высший сорт!), три банки топлёного масла, шыртан, несколько связок лука. Доехал до Москвы. Сразу же нанял такси.

— Сынок, держи путь к Черёмушкинскому рынку!

Доехали до рынка. А тут дома новые понастроили — даже места не узнаешь. Шофёр же спрашивает, в какую сторону ехать. Адрес я засунул было в надёжное место, во внутренний карман.

А где же адрес-то? Начал проверять карманы. Ах, старуха моя ненаглядная, что же она меня так нарядно одевает, на костюме карманы и снаружи, и внутри, и впереди, и сзади. Вытряхиваю то один, то другой — нет адреса! От такой неожиданности и вспомнить его не могу.

— Ыльям, въл сурта тупма йывър мар, — тетеп, — хирёсех тумтир лавкки ларать!

— Пирён кашни утәмра тумтир лавкки!

— Унпа юнашарах сўс-сухал касакан сурт ларать!

— Парикмахерски-и? Пирён кашни утәмра парикмахерски!

— Ма сапла нумай кирлө вара въл? — телёнетеп эп. — Хавър сўсёре хавър касма пёлместре? Эпир нихәсан та нимёнле парикмахерскине те сўремеспёр, хамәрах тирпейленсе пурәнатпәр. Ман сўсе кум касать, эп ун сўсне касап, иксёмёр те вәр савра, тирпейлө «чавашла» кастарса сўретпёр.

Шофёр урсах кайрө:

— Ман кунта шутить туса ларма вәхят сук, смена вёслетнет! Атя ан, дедушка!

— Ыльям, апла эс кёренной москвич мар пуль, мёнле пёлместён-ха, вёсене чаләшах...

Шофёр машина аләкне усрө:

— Атя ан, тасал!

Шутла-ха ёнтө: каç пулса килет, тән саланса кайрө, адресне вёлерсен те аса илейместеп. Хам икё хуплу, пёр сысна пёсси, пёр пысак бидон пыл (высшай сорт!), виçе банка сар су, пёр шарттан, темиçe мая сухан йәтнә. Пётрём вёт! Ак пуса пёр телёнмелле шухәш пырса кёчө! Чәнах, пуç ёслет сав манән!

— Итле-ха, ыльям, сав суртра телёнтермёш кушак аси пурәнать: улттәмёш хутран вёрентен сакланса анать, кайран сакланса хәпарать.

— Дедушка-а-а! — кәшкәрсах ячө шофёр. — Ма паçарах сапла каламарән? Халь въл сурта Мускаври чи чаплә вырәнсен шутне кёртнө! Унта пётём турист сўрет. Паттәр кушака Аттус тесе чёнеçсө. Эс әна курма килтөне? Тёрөс тунә!

— Сынок, тот дом нетрудно найти — прямо напротив него магазин одежды.

— У нас на каждом шагу такой магазин.

— А ещё... Погодите, прямо рядом с нашим домом — парикмахерская.

— У нас на каждом шагу парикмахерская!

— А зачем вам столько парикмахерских? — удивляюсь я. — Что ли, не умеете стричь волосы? Мы никогда ни в какие парикмахерские не ходим, сами справляемся — я кума стригу, кум меня стрижёт — всегда ходим аккуратные и красивые!

Шофёр прямо в ярость пришёл:

— Мне тут некогда шутки шутить! Смена заканчивается! Давай выходи!

— Сынок, ты, наверное, не коренной москвич, как же ты не знаешь, наискосок от нашего дома...

Шофёр открыл дверцу машины:

— А ну-ка выходи и проваливай!

Ты подумай только: вечереет, от растерянности и расстроился, убей — не могу вспомнить адреса, а сам везу деревенский гостинец — два хуплу, большой окорок, бидон мёда (высший сорт!), три банки топлёного масла, шыртан, несколько связок лука. Пропал ведь!

Но вдруг мне в голову пришла прямо-таки спасительная мысль:

— Послушай, сынок, в том доме живёт удивительный кот: цепляясь за верёвку, спускается с шестого этажа, таким же способом и вверх поднимается.

— Дедушка-а-а! — закричал шофёр. — Что ты сразу не сказал? Этот дом теперь считается одной из достопримечательностей города Москвы! Все туристы сразу туда и направляются. Зовут этого кота Атосом! Ты приехал взглянуть на это чудо? Правильно сделал!

Рульне савъркаласа-кулкаласа кәна пырать ман шофёр. Халь кулкаласа пыран-ха, ху манпа, ватә сынпа, сёре хивре каласрән!

— Ара, вәл Аттуса эп вёрентнёччә-ха! — терём мәнасланса.

Машинине чарәнма юраман тәлех чарса тәрәтрё вёт, ами!

— Апла эсир пётём Мускав хисеплекен Прокопий Степанччә пултәр-и?

— Савә пулатәп сав.

— Хисеплөрен те хисеплө Прокопий Степанччә, Сирёнке паллашма ирөк парсамәр!

Юрө терём. Ал тытсах паллашрәмәр. Әна Илья Андрейччә тесе чёнещә имёш. Вёстертёмөр малалла! Туххәмрах ситрёмөр! Илья Андрейччә сыхәсене те, чәматана та йәтма пamarё, лифтах кёртсе лартрө, унтан та хәех йәтса тухрө.

Ишь, как он засиял — словно масленичный блин! А ведь минуту назад разговаривал со мной, со старым человеком, очень и очень грубо. Я продолжаю разговор.

— Да, — говорю, — ведь этого Аттуса я учил.

Шофёр так резко затормозил машину, что заскрежетали колёса. Стоим на месте, где остановка вообще запрещена. Кажется, он этого и не замечает.

— Значит, вы — Прокопий Степаныч Юманов, которого уважает вся Москва?

— Вроде так получается, — отвечаю скромно.

— Глубокоуважаемый Прокопий Степаныч, разрешите мне познакомиться с Вами, — говорит он с почтением.

Ну, я разрешил. Пожали друг другу руки. Оказывается, зовут его Ильёй Андреевичем. Хороший шофёр — вмиг доехали. Он даже не позволил мне дотронуться до своей поклажи, всё дотащил до лифта, сам и вытащил оттуда, поставил около нужной двери.

— Атя кёр, хәна пулса кай! — тетёп.

— Смена пётет, — тет, васкать.

Ситес сёре ситрём вара.

Аттуса цирка та чёнеçсё иккен. Эрнере икё хутчен саванта выляса кәтартать. Кайса куртәм: хәрах урипе темле ункәран сакланать те яр-р хәпарса каять.

Ёнтё вәл урамё те чапа тухнә. Унта кашни чүречерен тенё пекех кушак анса хәпаратъ! Ыр ёсён никёсне хываси сёс, кайран малалла аталантараçсё, мён теçсё-ха әна... Рацци... раццина... Тьху! Кам чёлхи шутласа кәларнә ку сәмаха!.. Раццилиза... Тьху!.. Пёрех калап!.. Ра-ци-о-на-ли-за-тор-сем тем те шутласа кәларнә.

Карçинккасем, ешчөксем, тетте керменсем (хёрлө, симёс, сарә, кәвак, кёрен — мён тёсли кәна сук унта!) кәр-р аялалла анаçсё, тәр-р сүлелле хәпараçсё.

Ман Аттус вара, мәнтарән, паян кун та эп вёрентнё пек сүрет.

Ёнер Гришәран сыру килчө. Пирён Аттус каллех циркпа пёрле сула тухать иккен.

Асатмалла ёнтё. Илья Андреич та тахçантанпах хәнана чёнет. Каяс пулатъ.

— Зайди, — говорю ему, — гостем будешь.

— Если позволите, то в следующий раз. Сейчас моя смена заканчивается, — говорит, торопится милый человек.

Вот так и доехал. Оказывается, Аттус играет в цирке — два раза в неделю. Сам видел — одной лапой держится за какое-то колесо, молнией взлетает к потолку, там выполняет головокружительные вращения (скажу прямо — даже страшно смотреть!) и как камень падает вниз.

Теперь уже и улица прославилась. Там почти из каждого окна спускается кошка. Самое главное — доброму делу положить начало, а потом уж продолжают, улучшат. Как это называется? Раццина... (Тьфу! Кто придумал такое слово!) Ра-ци-о-на-ли-за-то-ры чего только не выдумают!

Корзинки, ящики, игрушечные дворцы (и каких только цветов!) тр-р! спускаются вниз, тр-р! поднимаются вверх. Аттус же до сих пор придерживается моего способа.

Вчера от Гриши пришло письмо. Наш Аттус опять собрался вместе с цирком в путь.

Оказывается, теперь едет в Японию. Надо бы проводить его. Да и Илья Андреич уже давно приглашает в гости.

Что ж, придётся съездить.

УДК 821.512.111-93
ББК 84 (2 Рос=Чув) 6-4
Л 63

Литературно-художественное издание

Для детей младшего школьного возраста

Лисина Ева Николаевна

Вёсенен кӱлӗ
Летящее озеро

Рассказы

На чувашском и русском языках

Перевод на русский язык *Е.Н. Лисиной*

Художник *С.А. Кангина*

Редактор *О.Л. Федорова*

Художественный редактор *С.А. Бритвина*

Технический редактор *Л.К. Егорова*

Корректоры *Н.Г. Орлова, А.Ю. Николаева*

Компьютерная верстка *Е.Е. Фоминой*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—95 3000. Подписано к печати 23.09.11.

Формат 84x108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,87.

Учетно-изд. л. 3,04. Тираж 1000 экз. Заказ № 1240. Изд. № 72.

ГУП Чувашской Республики «Чувашское книжное издательство»
Минкультуры Чувашии, 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

www.chuvbook.ru, e-mail: chuvbook@mail.ru, chuvbook@car.ru

Тел./факс (8352) 28-85-51.

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»,
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

ISBN 978-5-7670-1869-7

© Лисина Е.Н., текст, перевод, 2011

© Чувашское книжное издательство, 2011

Чăваш Чувашское
кĕнеке книжное
издательстви издательство

